

DOI: 10.33184/dokbsu-2023.1.8

Поэтика «умноженной» фабулы и открытого финала в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»

Г. А. Ахметова

Уфимский университет науки и технологий

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: toha230@rambler.ru

В статье рассматриваются особенности поэтики романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: «умноженная» фабула и открытый финал. Анализируется связь поэтики Толстого с творческим опытом Шекспира, который использовал параллельные фабулы в трагедиях «Король Лир», «Генрих IV», «Гамлет». Как и в трагедиях Шекспира, «умноженная» фабула в романе «Анна Каренина» выполняет важную функцию. Она создает эффект повторяемости и универсальности жизненной ситуации. «Умноженная» фабула вместе с открытым финалом позволяет писателю наполнить повествование общечеловеческим смыслом и создать иллюзию жизненного продолжения, в котором отдельное повествование является лишь коротким фрагментом.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, Анна Каренина, Шекспир, Король Лир, «умноженная» фабула, финальный занавес, открытый финал.

Поэтика романа «Анна Каренина» много раз становилась предметом внимания отечественных литературоведов. Роман исследован многообразно, со стороны религиозной символики [5, 7, 8, 10, 17], изобразительных принципов и интермедийных связей [2], в контексте мировой литературы [9]. Но даже при очевидном обилии исследовательской литературы возможности для наблюдений над поэтикой классического романа не могут быть исчерпаны до конца.

Проза Л. Н. Толстого поднимает важные проблемы в теории литературных форм – «умноженной» фабулы и открытого финала.

В. Е. Хализев, рассматривая типы сюжетов, бытующих в литературе, выделяет сюжеты двух типов: «единого действия» и «многолинейные». По словам исследователя, «от сюжетов единого действия принципиально отличаются многолинейные сюжеты, в которых одновременно, параллельно одна другой разворачиваются несколько событийных линий, связанных с судьбой разных лиц и соприкасающихся лишь эпизодически и внешне» [15, с. 216]. Автор называет сюжеты первого типа «центростремительными», а второго типа – «центробежными», или «кумулятивными» (от латинского *cumulatio* – умножение).

Роман «Анна Каренина» – пример произведения с «умноженной» фабулой. Использование термина «фабула» представляется в данном случае более точным. Не вдаваясь в тонкости терминологических споров, заметим, что автор работы придерживается точки зрения Б. В. Томашевского: «Совокупность событий в их взаимной внутренней связи (...) назовем фабулой (...) Художественно построенное распределение событий в произведении именуется сюжетом» [14, с. 180–182].

Вопреки мнению некоторых критиков, двойные, или «умноженные» фабулы, – важный признак толстовского искусства, а не проявление стилистического беспорядка. Известно, что на архитектурном несовершенстве романа после его выхода в свет настаивал критик С. А. Рачинский. В письме к Толстому от 6 января 1878 года он выразил недоумение по поводу отсутствия в романе внешней связи двух главных фабульных линий – Анны и Левина. Особенно неорганичной казалась критику последняя, восьмая книга романа: «Два слова об Анне Карениной. Это, бесспорно, – лучшее Ваше произведение. Последняя часть произвела впечатление охлаждающее, не потому, чтобы она была слабее других (напротив, она исполнена глубины и тонкости), но по коренному недостатку в построении всего романа. В нем нет архитектуры. В нем развиваются рядом, и развиваются великолепно, две темы, ничем не связанные» [11, с. 223–224]. В ответном письме к критику от 8 апреля 1878 года Толстой решительно возражал: «Я горжусь, напротив, архитектурой – своды сведены так, что нельзя и заметить, где замок. И об этом я более всего старался. Связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомстве) лиц, а на внутренней связи» [13, с. 819].

С самого начала Толстой намеревался распределить все повествование между двумя параллельными фабулами. Выразительна антитеза в первоначальных вариантах названия романа: «Два брака», «Две пары». Так Толстой планировал назвать книгу, в которой намерен был исследовать природу брака с разных сторон. В ранних редакциях романа Анна добивается развода и выходит замуж за Вронского. Толстой еще не знал точно, как вторая фабула должна быть сплетена с историей Анны. Вначале он задумал Левина (который звался Ордынцев) как друга Вронского [6]. Постепенно писатель нашел ситуации, которые органично связали между собой две главные фабульные линии.

Найденная писателем «умноженная» фабула выполняет в романе, как минимум, две важные художественные функции. Она создает эффект повторяемости и универсальности жизненной ситуации, которая приобретает в конечном итоге общечеловеческий смысл. Кроме того, подобная фабула создает в произведении эффект «плотности», «густоты», сложной многоплановости жизни.

Обратившись к «умноженной» фабуле, Толстой не мог не учитывать опыт Шекспира, автора «Короля Лира», «Генриха IV», «Гамлета». Отношение Толстого к Шекспиру было неоднозначным, оно менялось в разные периоды жизни писателя. Но чаще в толстовских оценках творчества английского драматурга преобладали гневные ноты [9]. Из всех

трагедий Шекспира «Король Лир» почти всегда был объектом яростной критики Толстого, который не прощал автору, как ему казалось, надуманности сюжетных положений, отсутствия убедительных мотивировок, неестественности языка [4].

Парадоксально, но именно в трагедии «Король Лир» возникает двойная фабула, которую вполне мог усвоить Толстой, работая над «Анной Карениной». Линия Лира и его трех дочерей развивается параллельно другой линии трагедии – Глостера и его сыновей. «Умноженная» фабула содержит в себе общую жизненную ситуацию, сопряженную с ужасной ошибкой отца, предательством одних детей и жертвенностью других. Двойной сюжет не позволяет воспринимать судьбу Лира как единственную, исключительную.

Известно, что, работая над трагедией, Шекспир воспользовался двумя источниками [1, с. 568]. Так, уже до Шекспира в Лондоне шла пьеса «Король Лир и его три дочери». Она имела благополучный финал: престол возвращался к королю. Шекспир придал истории Лира трагическое окончание. Вторая сюжетная линия – история Глостера и его сыновей – заимствована из «Повествования о недобром пафлагонском короле, рассказанная сначала его сыном, а затем самим слепым королем», входящего в роман Филипа Сидни «Аркадия» (1590). Шекспир соединил оба сюжета в одно целое. Драматург чувствовал необходимость выразить свой взгляд на человеческую природу дважды, сделать изображение вдвое сильнее.

Тот же принцип «умноженной» фабулы Шекспир использовал в трагедии «Гамлет». Пьеса «Мышеловка», исполненная уличными актерами в присутствии Клавдия и Гертруды, дублирует ситуацию убийства ими законного короля, придавая единичному случаю «вечный» смысл.

«Умноженная» фабула обладает, как было отмечено, еще одной важной функцией. Она делает атмосферу произведения более плотной, воспроизводящей бесконечную сложность жизни. Так, в трагедии Шекспира «Генрих IV» параллельно разворачиваются две фабульные линии – короля Генриха IV и его беспутного сына принца Генриха, с одной стороны, и графа Генри Перси и его мужественного сына Хотспера, с другой. В сознании зрителя (читателя) героика в полной мере не соотносится ни с Хотспером, ни с принцем Генрихом. Она находится посередине между легкомысленным принцем, оказавшимся способным в критический момент защитить короля и отечество, и мужественным мятежником Хотспером. Сложное сплетение параллельных фабульных линий позволяет драматургу создать мозаичный портрет целой нации и эпохи.

Толстой, без сомнения, был внимательным читателем Шекспира. «Умноженная» фабула в романе «Анна Каренина», как и в пьесах английского драматурга, выполняет важные функции.

Роман Толстого есть «физиология брака», но только более сложная и аналитичная, чем та, которая представлена в романах Бальзака («Физиология брака») или Флобера

(«Мадам Бовари»). Толстовское изображение приобретает особую убедительность благодаря тому, что писатель параллельно рисует даже не два, а три отдельных брака. Художественная аргументация Толстого была бы менее впечатляющей, если бы он выбрал, подобно Флоберу, один единственный случай.

Сопоставление трех браков – Анны и Каренина, Анны и Вронского, Левина и Кити – важнейшая фабульная схема, с помощью которой Толстой выражает свой замысел. В результате параллельного изображения возникает ощущение контраста и вместе с тем некой универсальности. Брак Анны с Карениным оставляет впечатление чего-то искусственного и безжизненного. Напротив, союз Анны с Вронским наполнен страстью и ею полностью исчерпывается. Союз, основанный исключительно на физиологическом влечении, оказывается уязвим. Брачный союз Левина и Кити наиболее гармоничен, но и он подвержен коррозии. Религиозная тревога, свойственная Левину, мешает ему быть счастливым семьянином и ставит его в какой-то момент на грань суицида. Но в последней книге романа Левин показан в начале новой жизненной дороги, которая обещает гармонию и в отношениях с семьей.

Такое умножение «семейной» фабулы привносит в роман Толстого универсальный смысл. Смысл, который выражен в библейском эпиграфе к роману: «Мне отмщение, и аз воздам». По мысли Толстого, воздаянию подлежит тот, кто живет плотской жизнью для собственного блага. История Анны предстает как история человека, поглощенного страстью и утратившего изначальную духовную сущность. История Левина, напротив, имеет противоположный вектор развития, направленный в сторону обретения подлинного смысла жизни.

В «Анне Карениной» очевидна еще одна важная функция «умноженной» фабулы – создание иллюзии жизненной плотности и многообразия. Именно эта иллюзия позволяет не замечать в толстовском повествовании порой неправдоподобных ситуаций.

В сравнении с такими романистами, как Дюма, Диккенс, Бальзак или Достоевский, Толстой в меньшей мере полагается на фабульные эффекты: неожиданную встречу, случай или совпадение. В толстовском повествовании события происходят натурально, без мелодраматических или романтических случайностей. Но объективно в толстовских фабулах много невероятностей, которые, однако, не воспринимаются как таковые.

В «Анне Карениной» совпадения и случайности играют такую же важную роль, как и в других романах Толстого. Весь роман «Воскресение» построен на случайности – встрече Нехлюдова с Масловой в суде и его юридической обязанности решить ее дело. Тот факт, что фабула романа имеет реальное основание – рассказ А. Ф. Кони, – не отменяет ее невероятного качества. В романе «Война и мир» внезапное появление князя Андрея в Лысых Горах в тот момент, когда его жена рождает, почти так же невероятно, как и случайный приезд Ростова домой и его значимая встреча с княжной Марьей. Совершенно

натурально выглядит эпизод случайной встречи раненого князя Андрея со страдающим Анатодем в операционной палатке, хотя объективно такая встреча практически невозможна. К таким же эффективным случайностям можно отнести падение Вронского на скачках в присутствии Анны, ставшее причиной ее откровенного признания Каренину.

Почему все эти маловероятные совпадения, которые у менее талантливого писателя были бы фальшью, не воспринимаются как таковые в толстовском повествовании? Ответ заключается в эффекте «умноженной» фабулы и толстовском пренебрежении формальными правилами.

Параллельные фабульные линии в «Анне Карениной» так переплетены, что в этой плотной среде все совпадения теряют свою исключительность и начинают казаться вполне возможными. «Умноженная» фабула создает иллюзию многосложности жизни со всеми ее соприкосновениями и трениями.

Плотность параллельных и перепутанных линий рождает огромную массу персонажей, многие из которых случайны и второстепенны. При этом трудно забыть кого-либо из персонажей, наполняющих роман «Анна Каренина». Каждый имеет характер, обладает индивидуальностью, прошлым. Невозможно забыть старого слугу в московском доме Анны, который узнал ее, несмотря на густую вуаль, и впустил в дом в день рождения Сережи. Точно так же трудно забыть Аннушку, горничную Анны, чутко понимающую свою госпожу и сочувствующую ей. Запоминается англичанин, жокей Вронского, с его тонким пониманием настроения Фру-Фру и мудрым советом Вронскому ничем не расстроить себя в день скачек. В толстовском повествовании нет случайных и безымянных персонажей, каждый реален и полнокровен.

«Умноженная» фабула рождает эффект универсальности и жизненной достоверности толстовского повествования. Этому же служит открытый финал в романах писателя, связанный во многом с усвоением традиции Гомера [3].

Главные романы Толстого не «кончаются» так, как кончается «Обломов» Гончарова, «Отцы и дети» Тургенева или «Мертвый дом» Диккенса. Эту особенность поэтики Толстого хорошо иллюстрирует роман «Анна Каренина».

Вопрос, как Толстой закончит «Анну Каренину», интриговал многих современников. Самые ранние редакции романа показывают, что суицид Анны должен был быть заключен эпилогом. Но только начало русско-турецкой войны в апреле 1877 года, когда Толстой полностью завершил седьмую книгу, вдохновило его написать последнюю часть романа. Замечательно то, что Толстой основал заключительную часть романа на событиях, которые произошли, когда семь частей романа были уже скомпонованы и опубликованы как целое.

Официальной целью войны России с Османской империей считалось освобождение братских балканских народов от турецкого владычества. В результате войны Российская

империя вернула себе ряд территорий, а также помогла приобрести независимость Сербии, Черногории и Румынии.

В первых набросках восьмая книга романа была резким разоблачением позиции России, фальшивых чувств по отношению к балканским славянам. Толстой видел ложь официальной пропаганды, призванной поднять военный энтузиазм и оправдать войну. Он понимал фальшь религиозного чувства богачей, которые заплатили деньги, чтобы купить оружие и послать нуждающихся людей резать других людей ради целей имперского триумфа.

Восьмая книга «Анны Карениной» наиболее сильно впечатлила современников благодаря полемике писателя с официальным оправданием войны. Хотя Толстой смягчил свой тон в последних редакциях восьмой книги, М. Катков, редактор «Русского вестника», где роман печатался, отказался публиковать продолжение. Вместо этого он предложил читателям короткую редакционную заметку, заключающую роман. Восьмая книга была опубликована Толстым отдельно от основного корпуса романа.

Безусловно, она воспринимается как яркое выражение толстовского пацифизма и смелая критика официальной политики России. Но нельзя утверждать, что последняя книга неорганично вписана в роман, имеет характер публицистического памфлета, в котором Толстой-публицист берет верх над Толстым-художником. В рамках злободневной тематики Толстой искусно сплетает основные фабульные линии своего романа. Характеры главных героев соответствуют новой атмосфере. Политическая тематика и психологические линии романа соединяются органично и естественно.

Вновь на железной дороге, как и в первой части романа, читатель встречает Вронского, но теперь он направляется добровольцем на войну. Зубная боль, мучающая Вронского, материализует его душевную боль при воспоминаниях о том, какую он увидел Анну в последний раз, в железнодорожных казармах. Желание Вронского принять участие в войне выглядит как жест героизма и благородства. Но отношение Толстого к русско-турецкой войне таково, что поступок Вронского воспринимается не только как результат личных переживаний, но одновременно и дань легкомыслию.

Напротив, для Левина война – одна из тех катастроф, которые заставляют его разум работать самостоятельно. Она побуждает его вырабатывать индивидуальный моральный кодекс и подготавливает к толстовскому христианству.

В своем имении Покровское Левин мучительно переживает необходимость найти дорогу в новую жизнь. В разговоре с Кознышевым и Катавасовым он обсуждает последние события дня. По убеждению Левина, война – лживая эксплуатация правящей верхушкой невежества народа. В споре Левин побежден ораторским искусством брата. Но спор окончательно убеждает Левина в том, что он должен найти свой собственный

моральный кодекс и не бояться быть смешным в глазах высшего общества, не бояться ухода от него.

Левин и его гости идут к дому под собирающимися грозовыми облаками. Во время сильных вспышек Левин узнает, что Кити и его сын находятся на прогулке. Он выбегает и находит их невредимыми в убежище среди липовых деревьев. Страх и успокоение уводят Левина из мира политических споров в мир природы и семейного счастья. Роман заканчивается пасторальными мотивами, при этом толстовский герой остается на пороге важного решения.

Это именно порог, потому что ответа на вопрос, который задает себе в ночной тишине Левин, ни он, ни Толстой еще не знают ответа. Вопрос о том, как жить «для души», «по-Божьи» – так, как живет простой мужик Фоканыч. В открытом финале романа нет ответа, но есть стремление найти решение.

Роман «Анна Каренина» ярко демонстрирует такую особенность поэтики Толстого, как отсутствие «финального занавеса». «Исповедь», над которой писатель начал работу в 1878 году, начинается точно там, где «Анна Каренина» закончена, точнее, где она «оборвана». Открытый финал романа рождает эффект жизненного продолжения, в котором отдельное повествование является лишь коротким фрагментом.

Неуважение автора «Анны Карениной» к блестящей архитектурной симметрии проявляется в двух важнейших особенностях поэтики романа: использовании «умноженной» фабулы при отсутствии единого центра повествования и открытом финале, оставляющем ощущение продолжения. Подобные стилевые приемы позволяют писателю передать сложную «плотность» жизни и наполнить повествование общечеловеческим смыслом.

Литература

1. Аникст А. Вступительная статья и комментарии // Уильям Шекспир. Трагедии. М.: Правда, 1983. С. 3–14, 632–671.
2. Ахметова Г. А. Икона и картина (портрет) в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Вестник Башкирского университета. 2013. Т.18, №1. С. 144–156.
3. Ахметова Г. А. Эпилог в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» в свете гомеровской традиции // Вестник Башкирского университета. 2022. Т.27, №2. С. 462–465.
4. Ахметова Г. А. «Шекспировский текст» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Культурные коды русской литературы. Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, Изд. Башкирск. гос. ун-та. 2019. С. 9–18.
5. Ветловская В. Е. Поэтика романа «Анна Каренина»: система неоднозначных мотивов // Русская литература. 1979, №4. С. 17–37.
6. Жданов В. Творческая история «Анны Карениной». Материалы и наблюдения. М.: Советский писатель, 1957. 262 с.

7. Купреянова Е. Н. Эстетика Л. Н. Толстого. М; Л.: Наука, 1966. С. 247–272.
8. Купреянова Е. Н. «Анна Каренина» Л. Толстого // История русского романа в 2-х т. Т. 2. Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом), 1964. С. 323–349.
9. Левин Ю. Д. Лев Толстой, Шекспир и русская литература 60-х годов XIX века // Вопросы литературы. 1968, №8. С. 54–73.
10. Мережковский Д. С. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. 592 с.
11. Письма Толстого и к Толстому. М.; Л.: Госиздат, 1928. С. 223–224.
12. Толстой Л. Н. Собр. соч. в 12 т. Т. 9. М.: Худож. лит-ра, 1975. 444 с.
13. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 18. М.: Худож. лит., 1984.
14. Томашевский В. Б. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект пресс, 1996. 334 с.
15. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000. 398 с.
16. Шекспир У. Трагедии. М.: Правда, 1983. 672 с.
17. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974. С.185–190.

Статья рекомендована к печати кафедрой русской, зарубежной литературы и издательского дела (доктор филологических наук, профессор Г. Г. Ишимбаева)

The poetics of the “multiplied” plot and the open ending in L. N. Tolstoy’s novel “Anna Karenina”

G. A. Akhmetova

Ufa University of Science and Technology

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: toha230@rambler.ru

The article discusses the important features of the poetics of Leo Tolstoy’s novel “Anna Karenina”: the “multiplied” plot and the open ending. Turning to the “multiplied” plot, Tolstoy could not ignore the experience of Shakespeare, the author of “King Lear”, “Henry IV”, “Hamlet”. The parallel unfolding of two event lines connected with the fate of different persons performs important functions in Tolstoy’s novel, as in Shakespeare’s tragedies. The “multiplied” plot creates the effect of repeatability and universality of the life situation. In addition, thanks to such a plot in the work, the effect of “density”, “density”, the complex complexity of life arises. The novel “Anna Karenina” vividly demonstrates another feature of Tolstoy’s poetics: the absence of a “final curtain”. The eighth and last book of the novel, written under the impression of the Russian-Turkish war that began in 1877 and published

by the author separately from the main body of the work, is perceived as a vivid expression of Tolstoy's pacifism and a bold criticism of Russia's official policy. Within the framework of topical themes, Tolstoy skillfully weaves the main plot lines of his novel. The characters of the main characters correspond to the new atmosphere. The novel ends with pastoral motives, while Levin remains on the threshold of an important decision, at the beginning of the acquisition of Tolstoy's Christianity. "Confession", on which the writer began work in 1878, begins where "Anna Karenina" is finished, or rather, where she is "torn off". The open ending of the novel gives rise to the effect of a life continuation, in which a separate narrative is only a short fragment.

Keywords: L. N. Tolstoy, Anna Karenina, Shakespeare, King Lear, "multiplied" plot, final curtain, open ending.